Секция «История»

Кровная месть в Афинах на рубеже V-IV веков до н.э. (на материале речей Лисия).

Логинов Александр Владимирович
Аспирант
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: sasha1487@yandex.ru

Кровную месть я понимаю как практику, основывающуюся на представлении родственников убитого о том, что они должны отомстить за его смерть убийце.

Мы рассмотрим речи афинского оратора Лисия. Из всего корпуса речей Лисия меня интересуют речи I, III, XIII, XXV.

Вопрос, который я поставил перед началом исследования: существует ли кровная месть в Афинах рубежа IV-V веков. Я считаю, наличие в Афинах рубежа IV-V века кровной мести доказанным, если обнаружу в ситуациях, обрисованных в уголовных речах Лисия, признаки кровной мести, как то:1) осознание родственниками убитого своего долга отомстить убийце; 2) наличие реальных прецедентов того, что родственники пытались добиться смерти убийцы.

В речи об убийстве Эратосфена можно прочитать о том, как разгневанный муж убил любовника своей жены, застав его у себя дома. По афинским законам муж имел на это право. О праве мужа самостоятельно расправиться с любовником жены говорится следующим образом: «ибо только для этого одного бесчестия и при демократии, и при олигархии одно и то же отмщение (*ашμωhoία*) очень влиятельным людям со стороны самых слабых» (Lys. I, 2). Очевидно, что Лисий говорит здесь о мести (*ашμωhoία*), как способе возмездия, санкционированном государством. По сути, перед нами узаконенная месть. Ответчик так и говорит, что убил ради законом дозволенной мести: «*auῆç κααuὰ auoὺç uόμουç ашμωhoίαç*» (Lys. I, 4).

Обильный материал об афинских уголовных обычаях даёт «Речь против Агората». Истец привлёк к суду доносчика, из-за которого погиб его двоюродный брат и зять. Обосновывает он своё решение следующими словами: «Я же, мужи-судьи, считаю, что справедливо и благочестиво и мне, и вам всем отомстить, насколько каждый может; и я говорю вам, делающим это, что это могло бы быть самое лучшее и среди богов, и среди людей» (Lys. XIII, 3). Эта же мысль повторяется в Lys. XIII, 93. *ашμωhoєῖσhetaαι* значит здесь не только «преследовать с помощью суда», но и просто «наказать, отомстить частным образом», поскольку истец просит покарать преступника, насколько это в силах каждого (*ὅσou ἕκασauoç δύuααuαι*). Истец напоминает о долге афинян по отношению к их погибшим товарищам также и в Lys. XIII, 1.

Истец просит государство покарать Агората, но мотивы, движущие им, чисто личного свойства: «В присутствии моей сестры Дионисодор распорядился относительно его домашних дел, как ему казалось целесообразным, а относительно этого Агората сказал, что он виновен в его смерти, и поручил мне и вот этому Дионисию, его брату, и всем друзьям, отомстить за него Агорату; и своей жене завещал, считая, что она беременна от него, если родится у неё дитя, объявить тому, когда он вырастет, что Агорат убил

его отца, приказать ему отомстить за него убийце» (Lys. XIII, 41-42). О том, что Дионисиодар завещал своим друзьям и близким отомстить за его смерть говорится и в Lys. XIII, 92. Таким образом, казнённый вследствие ложного доноса Дионисодор требует от брата, зятя, будущего сына отомстить за него, правда, он не уточняет как. Но очевидно, что, если «мститель» пришёл в суд, то возбуждение иска является одной из форм мести.

Другой фрагмент, интересующий нас, касается уже Тридцати тиранов: «Итак, разве не кажется вам? Члены коллегии тридцати и Совет, который тогда правил, которые сами были все из числа четырёхсот бежавших, схватив убийцу Фриниха, простили бы его, или отомстили за Фриниха и за изгнание, которому сами подверглись? Я же думаю, что отомстили бы» (Lys. XIII, 74). Здесь мы ясно видим, что изгнанные сторонники олигархии, в представлении истца, должны желать отомстить убийце их соратника и виновнику их изгнания.

В этой же речи стратег афинян в Филе советует не убивать попавшего в их руки Агората: «Один же из стратегов Анит сказал, что не следует им этого делать, говоря, что они не находились в таком положении, чтобы мстить кому-нибудь из врагов, но теперь должно им иметь спокойствие. Если же когда-нибудь домой они вернутся, тогда и отомстят преступникам» (Lys. XIII, 78). Данный случай интересен тем, что афиняне хотели без всякого суда расправиться с Агоратом, отомстив ему за смерть своих близких. Афинский же стратег советует повременить с местью до того времени, как они окажутся в Афинах. А там Агората можно будет преследовать судом. То есть, в сознании афинян того времени судебный процесс был одной из форм мести, но, при этом, легальной формой мести, наряду с которой могли существовать и другие, как законные (см. Lys. I), так и незаконные.

Отголоски очень архаичных представлений, бывших религиозным оправданием кровной мести, можно встретить в следующем отрывке: «А в таком случае они претерпят самое страшное из всего, если они завещали им как друзьям отомстить за них, те же окажутся голосующими против них вместе с Тридцатью» (Lys. XIII, 94). То есть, души убитых требуют от друзей отомстить за свою смерть, в противном случае они претерпят самое худшее из всего возможного: *δειυόαυαυα πάυαυωυ πάhetaοιευ*.

Ещё один герой Лисия в своей речи говорит следующее: «Ибо не будет найден никто, привлечённый мной к суду при олигархии, ставший предметом мести из числа моих врагов, облагодетельствованный мной из друзей» (Lys. XXV, 15). Стоит отметить, что в данном отрывке Лисий различает глаголы «привлекать к суду» (ἀπάγω) и «мстить» (*αιιμωhoέω*). Очевидно, что отомстить можно было и каким-то внесудебным образом.

Основа кровной мести – представление о том, что родственники должны отомстить за смерть близкого человека, и набор способов, как законных, так и незаконных, для достижения этой цели в Афинах существовали. Мы видели ситуации, когда родственники, движимые долгом по отношению к убитому, добивались смерти убийцы. Обращение в суд в Афинах является одной из форм кровной мести, наряду с которой существуют и другие. Её преимущество по сравнению с другими заключается в том, что она легальна и поддерживается государством.